

193573

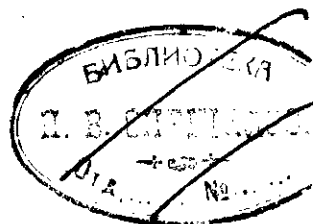
ПРОВЕРЕНО

Н. ПОССКИН.

МІРЪ

КАКЪ ОРГАНИЧЕСКОЕ ЦѢЛОЕ.

Издание Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.

Москва. 1917 г.

Печатано у Г. А. Лемана.
Москва, Маросейка, 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение	стр. 5
Глава I. Органическое міропониманіе	6
» II. Всеобщность органическаго строенія міра.	11
» III. Бытіе реальное и бытіе идеальное	17
» IV. Множественность субстанцій	48
» V. Абсолютное	54
» VI. Царство гармоніи или царство Духа.	72
» VII. Царство вражды или душевно-матеріальное царство.	89
» VIII. Причинность и цѣлесообразность	131
» IX. Логическіе, метафизическіе и практические принципы.	147
» X. Основные особенности органическаго конкретного идеаль-реализма	158

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе «Міръ какъ органическое цѣлое» было напечатано въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» за 1915 г. въ кн. 126—129. Настоящее изданіе отличается отъ напечатаннаго въ журналѣ тѣмъ, что въ немъ прибавлена въ концѣ одна глава «Основные особенности органическаго конкретнаго идеаль-реализма», а въ другихъ главахъ во многихъ мѣстахъ сдѣланы небольшія измѣненія и дополненія.

Н. Лосскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Мощными усиліями геніальныхъ умовъ древняго и новаго міра многія основныя проблемы бытія давно уже рѣшены. Завершенной системы метафизики у насъ нѣтъ только потому, что всякое великое открытіе, какъ бы оно ни было геніально, содержитъ въ себѣ, кромѣ истины, какую-либо долю лжи, и эта ложь обрекаетъ его на односторонность, исключительность, препятствуетъ объединенію его съ другими открытіями въ цѣльную, непротиворѣчивую систему философскаго міровоззрѣнія.

Поэтому задача нашего времени не въ томъ, чтобы все строить заново, а въ томъ, чтобы путемъ рѣшенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ проблемъ находить новыя точки зрѣнія, вносящія порядокъ и гармонію въ груды завѣщанныхъ намъ великихъ богатствъ.

Во второй половинѣ XIX в. главнымъ препятствіемъ къ построенію гармоничнаго цѣльнаго міровоззрѣнія служила молодая философская наука гносеологія (теорія знанія). Исходя незамѣтно для самой себя изъ ложныхъ предпосылокъ механистическаго (неорганическаго) міровоззрѣнія, она давала на этой основѣ узкое рѣшеніе вопроса объ истинѣ, или отрицая совершенно всякую возможность метафизики, какъ науки, или обосновывая только психологистическій идеализмъ, или оправдывая только механистическое міропониманіе современнаго естествознанія.

Гносеологическая теорія, названная мною интуитивизмомъ и развитая въ моемъ «Обоснованіи интуитивизма» и другихъ сочиненіяхъ, задается цѣлью возродить право метафизики на существованіе. Мало того, интуитивизмъ открываетъ просторъ для сочетанія самыхъ разнообразныхъ метафизическихъ ученій о раз-

личныхъ глубоко отличающихся другъ отъ друга царствахъ міра и сторонахъ бытія, хотя бы уже потому, что показываетъ, какимъ образомъ и вѣчное (идеальныя начала) и временное (событія, явленія и т. п.) могутъ рядомъ другъ съ другомъ принадлежать къ сферѣ транс-субъективнаго бытія и вовсе не обязываетъ одну изъ этихъ сторонъ міра истолковывать, какъ субъективный продуктъ мышленія.

На основѣ этой гносеологической теоріи я и приступаю къ попыткѣ разсмотрѣнія вопроса о мірѣ, какъ органическомъ цѣломъ.

Г Л А В А I.

Органическое міропониманіе.

Органическое и неорганическое міропониманіе вотъ главныя противоположности, раздѣляющія представителей различныхъ философскихъ ученій о мірѣ. Сущность этихъ типовъ міропониманія заключается въ слѣдующемъ. Встрѣтившись съ сложнымъ цѣлымъ, которое можно раздѣлить или въ которомъ можно различить части A, B, C, D, сторонникъ неорганическаго міропониманія стремится понять его, какъ составленное изъ элементовъ A, B, C, D, считая ихъ способными существовать самостоятельно, совершенно независимо и другъ отъ друга и отъ цѣлаго, въ которомъ они найдены. Самостоятельность ихъ, по его мнѣнію, настолько велика, что если бы B, C и D совершенно исчезли изъ состава міра, A попрежнему осталось бы существовать. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, напр., въ пространствѣ, эти элементы могутъ образовывать сочетаніе, группу, которая и есть сложное цѣлое. Итакъ, согласно этому ученію, элементы абсолютны, первоначальны и существуютъ безотносительно. Наоборотъ, цѣлое производно, относительно, оно сполна зависимо отъ своихъ элементовъ. Иными словами, здѣсь множественность считается первичною и обуславливающею единство, какъ нѣчто вторичное.

Самое рѣзкое выраженіе такого міропониманія заключается въ примитивнѣйшихъ формахъ атомистическаго матеріализма. Оно настолько всѣмъ знакомо и привычно, что болѣе конкретныхъ примѣровъ изъ его состава приводить не стоитъ. Подчеркнемъ только съ помощью слѣдующей фикціи абсолютность элементовъ въ этомъ ученіи: согласно примитивнѣйшему атомистическому матеріализму, если допустить, что всѣ атомы исчезли, кромѣ атома А, то этотъ атомъ могъ бы по-прежнему существовать и даже еще съ бѣльшимъ удобствомъ: онъ, не подвергаясь болѣе никакимъ толчкамъ, вѣчно продолжалъ бы свое движеніе въ пустомъ пространствѣ равномерно и прямолинейно.

Сторонникъ органическаго міровоззрѣнія понимаетъ всякую множественность и цѣлость прямо противоположнымъ способомъ. Первоначально существуетъ цѣлое, и элементы способны существовать и возникать только въ системѣ цѣлаго. Поэтому нельзя объяснить міръ, какъ результатъ прикладыванія А къ В, къ С и т. д.: множественность не образуетъ цѣлаго, а, наоборотъ, порождается изъ единого цѣлаго. Иными словами, цѣлое первоначальнѣе элементовъ; абсолютнаго слѣдуетъ искать, восходя въ область цѣлаго или, вѣрнѣе, поднимаясь надъ нею, но никоимъ образомъ не среди элементовъ; элементы во всякомъ случаѣ производны и относительно, т.-е. способны существовать только въ отношеніи къ системѣ, членами которой они служатъ ¹⁾.

Большинству умовъ такое ученіе о цѣломъ и элементахъ кажется философскимъ «туманомъ», или еще хуже, нелѣпостью, которая совершенно не можетъ быть подтверждена ссылкой на опытъ и даже въ воображеніи не можетъ быть построена; наоборотъ, неорганическое ученіе кажется близкимъ, понятнымъ и очевидно истиннымъ. Чтобы обнаружить несправедливость такого отношенія къ философскимъ ученіямъ, слѣдуетъ привести

¹⁾ Словомъ „элементъ“ я обозначаю всякую составную часть системы, слѣдовательно, нѣчто относительно простое, т.-е. такое, что проще и въ этомъ смыслѣ элементарнѣе, чѣмъ система.

наглядный образец какого либо цѣлаго, которое всякимъ умомъ должно быть понято въ духѣ органическаго ученія. Убѣдительнѣйшіе примѣры можно найти въ области пространственныхъ образованій, рассматривая, напр., отношеніе между линіею и точками на ней, или между плоскостью и линіями на ней и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, всякая линія, какъ бы она ни была мала, есть нѣчто неисчерпаемо сложное, поскольку анализирующій умъ различаетъ въ ней безконечное множество точекъ; однако линія не есть продуктъ суммированія точекъ; это неосуществимо не въ силу какого-либо внѣшняго препятствія, напр., не потому, чтобы на такое предпріятіе не хватило времени, а потому, что оно принципиально невозможно, такъ какъ никакая сумма непротяженныхъ точекъ не можетъ дать протяженной сплошности линіи. Итакъ, передъ нами цѣлое (линія), способное быть основаніемъ безконечной множественности (точекъ), но неспособное возникать изъ нея ¹⁾.

Указаніе на то, что движеніе точки даетъ линію, движеніе линіи можетъ дать плоскость и т. п., не есть возраженіе: въ самомъ дѣлѣ, линія получается здѣсь благодаря движенію точки, а движеніе не есть только сумма послѣдовательныхъ положеній точки, движеніе есть цѣлое, въ которомъ въ качествѣ его стороны можно найти его путь, именно линію, поверхность, тѣло и т. п. Одна изъ большихъ заслугъ Бергсона заключается въ его блестящихъ изслѣдованіяхъ, ярко подчеркнувшихъ органическую природу движенія, именно показавшихъ, что движеніе есть цѣлое, которое хотя и содержитъ въ себѣ безчисленные положенія движущагося тѣла и т. п. элементы, открываемые въ немъ анализомъ, все же не можетъ быть получено изъ этихъ элементовъ простымъ суммированіемъ ихъ ²⁾.

Въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ точка и линія, находятся плоскость и линія, геометрии

¹⁾ Этотъ же примѣръ приведенъ въ статьѣ В. С. Соловьева „Идея Человѣчества у Авг. Конта.“ Собр. соч. Т. VIII, стр. 232.

²⁾ См. объ этомъ также упомянутую статью Вл. Соловьева, VII, стр. 232.

ческое тѣло и плоскость, четырехмѣрное образованіе и трехмѣрное геометрическое тѣло и т. п.

Чтобы показать, что принципы органическаго міропониманія необходимы не только для философа, но и для представителей спеціальныхъ наукъ, напр. физики, приведу еще нѣсколько примѣровъ.

Представимъ себѣ два сообщающіеся сосуда, наполненные разнородными жидкостями, напр., масломъ и водою; какъ извѣстно, въ нихъ высоты столбовъ разнородныхъ жидкостей, уравнивающихъ другъ друга, обратно пропорціональны плотностямъ жидкостей. Отъ чего зависитъ такой элементъ этой системы, какъ, напр., высота столба масла? Конечно, отъ свойствъ самого этого столба, обусловливающихъ опредѣленную величину давленія на его основаніе, далѣе отъ свойствъ противоположнаго столба воды, обусловливающихъ такое же противодавленіе и, наконецъ, отъ свойствъ промежуточнаго между столбами слоя масла или воды, передающаго эти давленія; иными словами, высота столба масла обусловлена *всею системою, въ которой она находится*. То же самое приходится сказать и о высотѣ столба воды.

Не только въ случаѣ сложной системы, но даже и при разсмотрѣніи простѣйшаго взаимодействія между двумя вещами — для пониманія его приходится прибѣгнуть къ органическому міровоззрѣнію и такимъ образомъ признать всеобщность его принциповъ. Въ самомъ дѣлѣ, взаимодействие вовсе не есть сумма двухъ дѣйствій, изъ которыхъ второе слѣдуетъ за первымъ въ отвѣтъ на него (какъ ударъ и сдача въ дракѣ); въ точномъ и своеобразномъ значеніи этого слова взаимодействіемъ называется такое одновременное опредѣленіе вещи А вещью В и наоборотъ, при которомъ не имѣетъ смысла различіе зачинщика и обороняющагося: какъ это ни парадоксально, въ случаѣ взаимодействія явленіе *x* (въ вещи А) обусловлено явленіемъ *y* (въ вещи В), но въ свою очередь это же самое явленіе *y* обусловлено *x*. Такое отношеніе между вещами А и В становится понятнымъ только при допущеніи, что онѣ не вполне самостоятельныя существа, а стороны единаго цѣлаго, и свойства ихъ существуютъ

не сами по себѣ, а лишь въ составѣ системы. Замѣчательно, что лучшіе примѣры взаимодѣйствія даетъ область механическихъ явленій, напр., явленія тяготѣнія. Самый наглядный случай взаимодѣйствія представляетъ какъ разъ то явленіе, съ помощью котораго крайніе сторонники неорганическаго міровоззрѣнія стремятся объяснить весь міровой процессъ, именно явленіе толчка. Принимая во вниманіе равенство дѣйствія и противодѣйствія, нельзя не признать, что толчекъ возможенъ только при наличности отталкиванія, а отталкиваніе только при наличности толчка. Стоитъ только усмотрѣть эти отношенія, съ очевидностью показывающія, что свойства тѣлъ, напр., непроницаемость, принадлежатъ имъ не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку они входятъ въ составъ охватывающей ихъ системы, чтобы навсегда отказаться отъ попытокъ раздроблять матеріальный міръ на отдѣльныя частицы и воображать, будто онѣ способны къ самостоятельному существованію.

Въ приведенныхъ примѣрахъ обнаружались, какъ зависящіе отъ цѣлой системы, только механическіе элементы, — высота столба жидкости, движеніе частицы вещества и т. п. Конечно, сторонникъ органическаго міровоззрѣнія на этомъ не останавливается и утверждаетъ, что также и всѣ остальные свойства и состоянія, напр., химическія свойства воды, масла, существуютъ не иначе, какъ въ отношеніи къ системѣ и въ зависимости отъ нея. Само собою разумѣется, система, отъ которой зависятъ физическія и химическія свойства воды, есть не узко-ограниченная сфера сообщающихся сосудовъ, а вся сложная среда съ ея силами тяготѣнія, электромагнитными силами, температурою и т. п. Современная химія настолько уже развита, что никого не удивить слѣдующее заявленіе: кислорода, іодистаго водорода, гемоглобина и т. п., и т. п. самихъ по себѣ нѣтъ, химическія свойства cadaго изъ этихъ веществъ, точно такъ же, какъ физическія, существуютъ не иначе, какъ въ отношеніи къ средѣ. Данныя физической химіи, явленія катализа и т. п. служатъ достаточнымъ обоснованіемъ этого положенія.

ГЛАВА II.

Всеобщность органическаго строенія міра.

Въ предыдущей главѣ былъ очерченъ принципъ органическаго міропониманія. Еще ранѣе, въ статьѣ «Органическія и неорганическія міровоззрѣнія» я устанавливалъ, что ни одно философское направленіе не можетъ обойтись безъ идеи такого цѣлаго, которое первѣе своихъ элементовъ, что эта идея выступаетъ явственно на верхахъ или низахъ всякаго міровоззрѣнія ¹⁾. Этого мало, теперь мы должны установить, что идея такого цѣлаго тихомолкомъ руководить всякимъ нашимъ сужденіемъ о какомъ бы то ни было предметѣ. Она есть условіе познаваемости міра, такъ что должно признать одно изъ двухъ: или міръ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ сторону, согласную принципамъ органическаго міровоззрѣнія, и тогда онъ познаваемъ, или міръ не имѣетъ такой стороны, и тогда знаніе о немъ невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, знаніе состоитъ изъ сужденій, а сужденіе только въ томъ случаѣ заслуживаетъ этого названія и содержитъ въ себѣ истину, если въ немъ усмотрѣно необходимое отношеніе между одною стороною предмета и другими сторонами его, т.-е. если между субъектомъ и предикатомъ сужденія есть необходимая связь. Смыслъ сужденія именно въ томъ и состоитъ, что поставленный субъектъ требуетъ признанія предиката. Не только научныя сужденія, служащія выраженіемъ законовъ природы, но даже и единичныя описательныя сужденія имѣютъ такое строеніе; напр., высказывая сужденіе «это облако — лиловое», я покоряюсь необходимости, въ силу которой разъ передо мной находится «это» облако (т.-е. теперь въ такомъ-то мѣстѣ небеснаго свода, при такомъ-то освѣщеніи и т. п.), то лиловость существуетъ здѣсь неизбѣжно. Та-

¹⁾ Статья эта напечатана въ „Философскомъ сборникѣ въ честь Л. М. Лопатина“, 1912.

кая связь между субъектомъ и предикатомъ сужденія есть не что иное, какъ отношеніе основанія и слѣдствія. Какимъ же образомъ эта необходимая связь попадаетъ въ составъ сужденія, и почему мы приписываемъ ей объективное значеніе, т.-е. считаемъ ее выражающею истину о предметѣ? На эти вопросы не даютъ отвѣта теоріи, согласно которымъ знаніе есть отображеніе (копированіе) вещей въ нашемъ умѣ, образующееся путемъ накопленія у насъ впечатлѣній отъ вещей; не рѣшаютъ этихъ вопросовъ также и тѣ теоріи, согласно которымъ природу, какъ систему явленій, строить самъ нашъ разсудокъ, прикладывая другъ къ другу, согласно категоріямъ, разрозненные сами по себѣ чувственные данныя (ученіе Канта) ¹⁾.

Интуитивизмъ даетъ отвѣтъ на эти вопросы, изображая знаніе слѣдующимъ образомъ. Чтобы познать предметъ, нужно имѣть его въ сознаніи, т.-е. достигнуть того, чтобы онъ вступилъ въ кругозоръ сознанія познающаго субъекта, сталъ имманентнымъ сознанію. Это сознаніе о предметѣ не есть продуктъ причиннаго воздѣйствія предмета на тѣло и душевную жизнь субъекта: въ такомъ случаѣ субъектъ зналъ бы только свои психическія состоянія, возникшія по поводу вещи. Сознаніе о предметѣ есть результатъ своеобразнаго (не причиннаго) отношенія между сознающимъ субъектомъ и познаваемымъ предметомъ: при наличности этого отношенія субъектъ созерцаетъ предметъ непосредственно, «имѣетъ его въ виду» въ подлинникѣ; здѣсь нѣтъ субординаціи ни субъекта предмету, ни предмета субъекту, обѣ стороны по своему бытію остаются независимыми другъ отъ друга, и потому отношеніе между субъектомъ и объектомъ можно назвать словомъ гносеологическая координація. Согласно этому ученію, нужно отличать понятія имманентный сознанію

¹⁾ См. объ этомъ мое „Введеніе въ философію“, ч. I, „Введ.“ въ теорію знанія“, а также статью „Преобразование понятія сознанія въ современной гносеологіи и роль Шуппе въ этомъ движеніи“. *Вопр. филос. и псих.*, 1913 г. январь-февраль.

и имманентный субъекту сознания: наблюдаемый предмет долженъ быть имманентнымъ сознанию, но можетъ быть трансцендентнымъ субъекту сознания, т.-е. можетъ быть частью трансубъективного міра (напр., наблюдаемое колебаніе маятника). Итакъ, сознаваемое мною не обязано быть моимъ состояніемъ, оно не обязано также быть психическимъ процессомъ, оно можетъ принадлежать къ любой сферѣ міра: быть материальнымъ процессомъ, принадлежать даже къ области не реальнаго, а идеальнаго бытія (въ платоновскомъ смыслѣ) и т. п.

Однако простое «имѣніе въ виду», созерцаніе предмета еще не есть знаніе о немъ. Предметъ становится не только сознаннымъ, но и познаннымъ тогда, когда онъ отличенъ отъ другихъ предметовъ путемъ сравненія съ ними, выдѣляющаго его изъ ихъ среды, какъ нѣчто особенное. Такъ какъ различіе есть не созиданіе различій, а только усмотрѣніе тѣхъ особенностей, которыя уже существуютъ въ мірѣ, то знаніе нисколько не измѣняетъ подлинности созерцаемаго предмета: оно сводится лишь къ мысленному анализу вещей. Что же мы узнаемъ съ помощью анализирующаго сравненія?—Если бы сравненіе было цѣлью знанія, то это значило бы, что всякое знаніе состоитъ изъ утвержденій: « A_1 и A_2 сходны между собою», « A и B различны» и т. п. На дѣлѣ это невѣрно: въ громадномъ большинствѣ случаевъ сравненіе есть только средство, примѣняемое для того, чтобы произвести анализъ, выдѣляющій изъ состава дѣйствительности какую-либо сторону предмета, т.-е. нѣчто такое, что необходимо связано съ предметомъ, слѣдуетъ изъ него, если онъ существуетъ.

Возможны случаи, когда цѣлью знанія служитъ именно непосредственный результатъ сравненія: усмотрѣніе сходства или различія между какими-либо A и B . Но и въ этомъ случаѣ знаніе имѣетъ характеръ анализа, открывающаго необходимую сторону предмета. Въ самомъ дѣлѣ, субъектомъ сужденія « A и B различны» служитъ совокупность A и B , а предикатомъ признакъ «различны», какъ необходимая характерная черта этой пары.

Итакъ, всякое знаніе состоитъ въ томъ, что я, во-первыхъ, созерцаю предметъ въ его неприкосновенной подлинности и, во-вторыхъ, анализирую созерцаемый міръ, вскрывая въ немъ то, что необходимо связано съ предметомъ. Отсюда слѣдуетъ, что созерцаемое мною и аналитически познаваемое бытіе всегда есть нѣчто сложное (иначе не былъ бы возможенъ анализъ), и притомъ такое сложное, въ которомъ ни одинъ познаваемый элементъ не существуетъ самъ по себѣ, безъ необходимаго отношенія къ другимъ элементамъ. Иными словами, всякій познаваемый предметъ, и весь познаваемый міръ есть цѣлое (или моментъ цѣлаго), въ которомъ можно различать стороны, но не чистая множественность самостоятельныхъ элементовъ.

Намъ могутъ возразить, что мы слишкомъ облегчаемъ задачу доказательства всеобщаго значенія принциповъ органическаго міропониманія, такъ какъ всякую необходимую связь считаемъ органическою и простой причинный рядъ разсматриваемъ, какъ органическое цѣлое. Отсюда слѣдуетъ, что всякій философъ, допускающій, напр., причинную связь между явленіями, долженъ быть сторонникомъ органическаго міропониманія. Въ такомъ замѣчаніи мы не нашли бы никакого опроверженія своихъ взглядовъ. Да, дѣйствительно, всякій философъ, допускающій подлинную причинную связь между событіями (не сводящій, напр., какъ Юмъ, причинность только къ привычной ассоціаціи), долженъ придти, развивая свои взгляды до конца, къ органическому міропониманію: причинный рядъ событий а, б, с состоитъ вѣдь не въ томъ, что къ а прикладывается извнѣ б, къ б—с и т. д., а въ томъ, что каждое новое звено вырастаетъ изъ предыдущихъ, вслѣдствіе самопревращенія ихъ, порожденія ими и т. п., иными словами, новое возникаетъ, какъ новая сторона предшествующаго ему цѣлаго.

Не только интуитивисты, въ родѣ Бергсона, утверждаютъ такую цѣльность бытія; современный трансцендентальный идеализмъ приходитъ къ тому же результату. Такъ, напр., одна изъ заслугъ школы Когена заключается въ ученіи о сплошности предмета знанія,

о цѣльномъ порожденіи его мышленіемъ, а не о мозаичномъ синтезѣ изъ разрозненныхъ А, В, С. Это пониманіе предмета знанія неизбежно ведетъ къ понятію предмета, какъ системы въ смыслѣ органическаго міропониманія.

Изложенное ученіе можетъ вызвать слѣдующія сомнѣнія: въ мірѣ несомнѣнно есть раздробленность, нарушенія цѣльности, о существованіи которыхъ мы знаемъ; между тѣмъ согласно изложенной теоріи они, повидимому, не могли бы стать предметомъ знанія. Это недоумѣніе разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Раздробленность существуетъ въ мірѣ и становится предметомъ знанія, но она никогда не бываетъ совершенною раздробленностью. Всегда оказывается, что какіе-либо А, В, С обособлены другъ отъ друга лишь въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи, а въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи у нихъ есть единая основа, они принадлежатъ къ одному цѣлому, и самая ихъ обособленность необходимо требуетъ какой-либо формы взаимоопредѣленія и объединенности ихъ въ нѣкоторомъ другомъ направленіи. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить міровоззрѣніе какого-либо матеріалиста, населяющаго міръ только атомами и воображающаго, будто они по своему бытію вполне независимы другъ отъ друга. Даже и въ этомъ примитивномъ ученіи атомы имѣютъ одну общую основу, благодаря которой они принадлежатъ къ единому міру и могутъ взаимодействовать: такая единая всеохватывающая основа есть общее для всѣхъ нихъ, единое пространство. Если теперь атомистъ проанализируетъ глубже эту общую основу и отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что всѣ положенія атома, движенія его и т. п. относительны, т.-е. существуютъ не сами по себѣ, а лишь въ системѣ атомовъ, то онъ скоро откажется отъ своего неорганическаго пониманія міра и усмотритъ сторону цѣлости его. Онъ замѣтитъ, что даже и въ то время, какъ онъ на словахъ отрицалъ органическое строеніе міра, онъ на дѣлѣ въ каждомъ своемъ сужденіи тихомолкомъ руководился созерцаніемъ цѣлости міра, по крайней мѣрѣ, въ образѣ пространственнаго единства его.